
ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	45
Глава 3	62
Глава 4	83
Глава 5	117
Глава 6	143
Глава 7	171
Глава 8	196
Глава 9	224
Глава 10	242
Глава 11	268
Глава 12	282
Глава 13	299
Глава 14	317
Глава 15	335
Глава 16	352
Глава 17	385
Глава 18	415
Глава 19	445
Глава 20	475
Глава 21	496
Глава 22	524

ГЛОССАРИЙ

Измерение времени в Древнем Китае	548
Измерения длины и веса в Древнем Китае	550
Термины	551
Бестиарий.....	553
Цветы и деревья	555
Древние боги	566
Небесный клан	568
Цинцю.....	569
Клан лазурных птиц.....	570
Клан демонов.....	570
Общая иерархия	571

ГЛАВА 1

Вновь Инь Линь встретил Лянь Суна у горы Бочжун¹ на границе Южной и Юго-Западной пустошей. Это случилось спустя двадцать семь тысяч сорок тридцать шесть лет после того, как Цзу Ти погрузилась в сон. В тот день Инь Линь отправился на гору Бочжун вместе с Чжаоси охотиться на красную собаку по имени Небесный Пес.

Более двухсот тысяч лет назад это древнее чудовище запечатала богиня огня Се Мин. Никто и предположить не мог, что однажды зверь вырвется из заточения и вновь придет в мир. Возвращение красной собаки не сулило ничего хорошего. Говорили: «Куда она спустится, быть там войне»². И хотя пагубная сила Небесного Пса не влияла на богов, демонов, духов-оборотней и темных, простые смертные не могли избежать несчастий, которые приносило с собой это порождение Хаоса.

Если бы человечество исчезло из восьми пустошей, возвращение Небесного Пса никого бы не беспокоило. Однако, пусть Шао Вань и отправила людей в мириады

¹ Гора Бочжун (кит. 嵒冢山) — в «Каноне записей», входящем в конфуцианское Пятикнижие, эта гора называется истоком реки Хань, одного из крупнейших притоков главной реки Китая — Янцзы. (Здесь и далее — прим. пер.)

² Цитата из трактата «Книга гор и морей», «Каталог великих пустынь Запада», перевод Э. Яньшиной.

миров и в пустошах больше не жили чистокровные человеческие племена, в эпоху Хаоса пять родов сосуществовали бок о бок, и от тех времен осталось немало детей смешанных союзов.

Когда открылись врата Жому, эти полукровки не последовали за Шао Вань, а остались в мире бессмертных, где под защитой богов основали несколько десятков небольших государств.

Обитатели пустошей по-прежнему называли этих полукровок смертными, а их страны — государствами смертных. И поскольку в их жилах текла кровь людей, с появлением Небесного Пса на этих землях неминуемо вспыхнул бы огонь войны.

Когда богиня Цзу Ти вернулась на свое место, она наложила на мир заклятие, назвав себя «богиней людей». Богиня людей — это богиня всех смертных, защитница каждого человека на свете. Оставшиеся в восьми пустошах полукровки-смертные тоже были людьми, и хранители Гуяо, конечно, не могли бросить на произвол судьбы подопечных своей госпожи. Именно поэтому Инь Линь и Чжаоси прибыли к горе Бочжун, чтобы поймать Небесного Пса.

Однако они опоздали на шаг — Небеса уже отправили богов разобраться с красной собакой. И одним из посланников оказался третий принц Девяти небесных сфер, хозяин дворца Изначального предела, их старый знакомый — бог воды Лянь Сун.

Гора Бочжун утопала в буйной зелени, ее склоны покрывали тенистые леса. На вершине густо разросся бамбук. Укрывшись в его тени, Инь Линь со сложным выражением лица смотрел на окутавший гору светящийся барьер. Защитное поле тянулось на тысячи ли, охватывая почти весь горный хребет Южной пустоши. Инь Линю невольно вспомнился барьер, который создал бог воды, когда более двадцати тысяч лет назад расколол землю и создал море в мире смертных.

Только тогда бог воды находился внутри барьера, а теперь — снаружи.

Высоко в небе сияло золотое колесо, созданное вее-ром Усмирения зла, а на облаке, опираясь на столик, сидел благородного вида молодой мужчина в белых одеждах. Даос Су Цзи, следовавший за Лянь Суном еще в мире смертных, теперь обрел бессмертное тело и, сидя на коленях по другую сторону низкого столика, время от времени наклонялся вперед, чтобы переброситься с третьим принцем парой слов. Его высочество, подперев щеку рукой, с безмятежным видом наблюдал за происходящим внутри барьера. Изредка он загадочно улыбался, и его легкая и обаятельная улыбка была прекрасна, словно цветущие ирисы и орхидеи¹.

Нынешний Лянь Сун совсем не походил на ту убитую горем тень самого себя, которую Инь Линь в последний раз видел на берегу Северного моря более двадцати тысяч лет назад.

«Возможно, он все забыл... Забыл даже госпожу», — подумал Инь Линь. И ему бы порадоваться такому исходу, но почему-то на сердце у него стало горько и тягостно.

Внезапно внутри черно-золотого барьера мелькнула красная вспышка, привлекая внимание Инь Линя. То был Небесный Пес, мчавшийся вдалеке.

Запертое в барьере чудовище неслось вперед со скоростью падающей звезды, бросаясь то влево, то вправо. За ним летел высокий юноша в темных одеждах. Он не только преследовал зверя, но и старался защитить девушку в иссиня-черном, вооруженную кнутом. Хотя самым большим преимуществом Небесного Пса была скорость, юноша, несмотря на молодость — по меркам смертных ему дали бы лет шестнадцать-семнадцать, — мог в стремительном рывке нагнать собаку. Однако, вынужденный прикрывать девушку, он уже несколько раз упустил возможность настичь зверя и вступить с ним в ближний бой.

¹ Орхидея — символ ранней весны, совершенства и благородства. Ассоциируется с весной. (Далее значения цветов и деревьев см. на стр. 555.)

Наконец все эти бесплодные попытки, похоже, вывели юношу из себя — он вдруг остановился и остановил девушку, заключил ее в защитный барьер, а затем бросился за собакой в одиночку.

Черная тень стремительно неслась за красной. В миг, когда она ее настигла, блеснула сталь меча. Клинок, подобно вспышке молнии, обрушился на зверя. Небесный Пес взвыл, голова его отделилась от шеи и упала на землю. Из открытой раны рекой бушующего пламени хлынула горячая кровь. Юноша, отпрянув на два шага, создал мечом ветряной щит, чтобы защититься от брызг. Внезапно из кровоточащей шеи вырвалась тонкая ниточка остаточного духа зверя. Юноша на мгновение застыл, затем рубанул по ней мечом, но дух, испускающий зловещее красное свечение, вдруг отразил удар и, словно стрела, помчался к оцепеневшей девушке. Хотя защитный барьер на мгновение задержал его, часть все же прорвалась внутрь.

В миг, когда красный свет должен был коснуться девушки, промелькнула тень — толчок, рывок, и несчастная оказалась за спиной возникшего перед ней мужчины в белом. В тот же миг веер Умирения зла, до этого паривший в небе, оказался в руках неожиданного спасителя. Прорвавшийся сквозь барьер алый свет столкнулся с ним и взвыл. Третий принц легко сложил веер, и мятежный дух исчез в нем без следа.

Девушку в иссиня-черных одеждах, казалось, так потрясло происходящее, что она чуть было не упала, но, к счастью, вовремя подоспевший Су Цзи ее поддержал.

Юноша в темном торопливо спустился с облака к хозяину веера и с серьезным выражением лица произнес:

— Я был невнимателен. Прошу, дядя, накажите меня.

Инь Линь укрылся в тени бамбука на некотором расстоянии от них, но благодаря исключительному слуху отчетливо расслышал эти слова и только тогда понял, что этот прекрасный юноша — наследный принц Девяти небесных сфер, который в возрасте двадцати тысяч лет вознесся, как

высший бессмертный, — его высочество принц Е Хуа, сын старшего брата Лянь Суна.

Световой барьер рассеялся. Лянь Сун опустил взгляд на виновато склонившего голову юного принца и улыбнулся:

— За что тебя наказывать? Я согласился выполнить просьбу Небесного владыки именно для того, чтобы ты потренировался. Хотя ты и допустил небольшую оплошность, в конце концов тебе удалось обезглавить Небесного Пса. Так в чем же твоя вина?

Юноша, не меняясь в лице, ответил:

— Но если бы вы вовремя не вмешались, дух погибшего Небесного Пса уже проник бы в тело небесной девы Яньлань. Хотя красная собака и является чудовищем, она не свирепа. Пусть вы ничего не говорили, я знаю: вы повели меня охотиться в надежде, что я научусь сражаться с врагом, при этом защищая товарища... — Помолчав, он смущенно добавил: — Но мне не хватило терпения.

Когда юный принц произнес имя Яньлань, Инь Линю потребовалось некоторое время, чтобы понять, кто это. Затем он внимательно посмотрел на девушку в иссиня-черных одеждах и обнаружил, что черты ее лица ему знакомы: так выглядела девятнадцатая принцесса династии Си. Просто теперь с ногами у Яньлань все было в порядке и она больше не сидела в инвалидной коляске, поэтому он не признал ее сразу.

Инь Линь вспомнил: более двадцати тысяч лет назад говорили, будто бы Верховный владыка Дун Хуа помог Яньлань вознестись и даже даровал ей какой-то титул. Но поскольку то дело касалось исключительно небожителей, Инь Линь не счел его достойным внимания.

Впрочем, и в мире смертных он не был близко знаком с Яньлань. Однако слава принцессы Тайань гремела на всю страну, и даже до него поначалу доходили слухи, что Яньлань — воплощение какой-то бессмертной девы с Девяти небес. Тогда он не придавал этой болтовне значения, сочтя ее лишь глупым вымыслом. Но потом, увидев рядом с этой

принцессой Лянь Суна, наконец припомнил кое-что из прошлого и догадался, кем же на самом деле была Яньлань.

С ней Инь Линя кое-что связывало.

Вернее даже сказать, что с Яньлань его связывало многое.

После того как Цзу Ти принесла себя в жертву Хаосу, последнее дуновение ее духа превратилось в семя красного лотоса. Чжаоси по поручению госпожи отнес это семя на Небеса и вручил высшему богу Мо Юаню. Цзу Ти с Шао Вань все продумали. Они не сомневались: довольно сказать Мо Юаню, что семечко — это новая повелительница цветов, ради которой Шао Вань обратилась в пепел, и высший бог непременно будет беречь его, как самое драгоценное сокровище. Но Мо Юань смотрел на ситуацию с другой стороны: если бы не это семя, Шао Вань не лишилась бы бессмертного тела, так что бог войны даже видеть этот «подарок» не желал. Бросив его в Южной пустоши, он тут же о нем позабыл. К счастью, юный бессмертный по имени Лин Юй, которого Мо Юань подобрал и оставил подле себя, запомнил слова Чжаоси. Проникшись к несчастному семечку состраданием, он время от времени поливал его водой из духовного источника горы Куньлунь, и только благодаря этому семя выжило.

Инь Линь узнал о непростой судьбе семечка лишь несколько тысяч лет спустя. К тому времени Мо Юань давно исчез, и никто не знал, где он, а сам мир совершенно преобразился. Семя красного лотоса, надолго оставленное без присмотра, все так же валялось в Южной пустоши, почти исчерпав все остававшиеся в нем силы. И поскольку его все же сотворили из дуновения духа Цзу Ти, Инь Линь не мог смотреть, как оно погибает, и потому решил позаботиться о нем сам.

Так прошли десятки тысяч лет, и из семени благополучно вырос красный лотос. Еще через десятки тысяч лет цветок обрел человеческий облик, став прекрасной девой.

Первым она увидела Инь Линя. Вот только дева не знала, что он вырастил ее, — думала, он обычный цветочный

дух, живущий по соседству. Почему-то девушка истово верила, что он младше нее, и твердо решила признать его младшим братом. Инь Линю было лень спорить, и он уступил. Затем она спросила, как его зовут. Посланник богини света оглядел мир, в котором все четыре моря и восемь пустошей пребывали в покое, и на ходу выдумал имя Чан Пин, «пин» как «спокойствие в мире». Дева-лотос назвала себя именем, похожим на его, — Чан И.

Вскоре после того как красный лотос обрел человеческий облик, богиня Цзу Ти, которую Инь Линь так долго ждал, наконец возродилась из света и начала свое путешествие длиной в семнадцать перерождений. С тех пор Инь Линь все реже навещал Южную пустошь, большую часть времени охраняя в мире людей переродившуюся в простого человека Цзу Ти и помогая ей совершенствоваться. Чан И ничего об этом не знала, думала, он просто много странствует.

Инь Линь до сих пор помнил: все случилось через две тысячи двести лет после завершения жизни шестнадцатого перерождения Цзу Ти. Он наконец помог госпоже восстановить поврежденную душу, и, воспользовавшись тем, что та вернулась в свет, где могла спокойно собирать силы для последнего перерождения, он нашел время посетить Южную пустошь. Его обитель все еще находилась рядом с обителью Чан И, так что едва он появился у входа, как к нему подлетела давно поджидавшая его белая птица ¹, умоляя спасти Чан И: та, собирая духовные травы, случайно зашла в пещеру Семи глубин, где жил двукрылый тигр, и, кажется, попала в беду.

Конечно, Инь Линь должен был ее спасти. Однако совсем недавно главный посланник Цзу Ти потратил много божественной силы, чтобы помочь душе госпожи вернуть-

¹ Белая птица е (кит. 白鶴鸟) — мифическая птица, похожая на фазана, с пятнистой головой, белыми крыльями и желтыми ногами. Упоминается в «Книге гор и морей». (Далее животных бестиария см. на стр. 553.)

ся в изначальный свет. После этого ему и самому не помешал бы отдых. Все же Инь Линь сошелся в ожесточенном бою с двукрылым тигром и, хотя ему удалось спасти Чан И, получил серьезные раны.

Девушка долго заливалась слезами у его лежанки. Позже она откуда-то разузнала, что для лечения требуется раздобыть белую ци и траву сижун, растущую на берегу моря Беспорочности на Тридцать шестом небе, и выплавить из них пилюли в печи восьми триграмм древнего владыки. Кажется, именно собирая белую ци для его лекарства, Чан И познакомилась с Лянь Суном. Тогда-то ей и выпал шанс вознестись.

Инь Линь никогда не видел в этом ничего плохого. Чан И полагалось стать повелительницей цветов — таков был последний подарок Шао Вань новой эпохе. Однако Мо Юань отверг его. Казалось, теперь Чан И уготована жизнь всеми презираемого духа Южной пустоши, жизнь бесцельная и бесславная. Но внезапно девушка-дух все же получила возможность изменить свою природу и стать бессмертной, а после заняла свое законное место повелительницы цветов. Что это, как не предопределение?

После того как Чан И стала повелительницей цветов, Инь Линь счел свою задачу выполненной. Красный лотос больше не нуждался в его заботе. Готовясь к семнадцатому перерождению Цзу Ти, посланник богини света оставался в мире смертных все дольше и все реже возвращался в восемь пустошей.

Инь Линь пробыл в мире смертных целых сто шестьдесят лет, прежде чем снова вернулся в мир богов. Там-то его и настигла весть: десять лет назад повелительница цветов Чан И погибла в Сковывающей пагоде.

Та история была широко известна, поэтому Инь Линь вскоре узнал, что послужило причиной столь печального события. Вместе с тем до него дошло и весьма правдоподобное описание произошедшего после: когда души Чан И рассеялись, всегда заботившийся о ней третий принц Лянь Сун не смог смириться с гибелью подопечной. Ценой полови-

ны совершенствования он собрал частицы ее душ и сформировал из них жемчужину. Его высочество надеялся, что Верховный небожитель Лин Бао восстановит целостность душ-хунь и душ-по¹ несчастной и та получит шанс родиться вновь.

Будь у Чан И бессмертное начало, давшее ей жизнь и силы для совершенствования, возможно, третьему принцу удалось бы спасти ее таким образом. Но бессмертного начала Чан И не имела. Ее первоформой было всего лишь дыхание двух богинь. Умерла — и все на этом. Дыханию должно вернуться к небу и земле, какой еще шанс родиться вновь?..

Инь Линь прожил бок о бок с Чан И много лет, конечно, он сожалел о ее смерти. Но посланник богини света никогда не предавался печали долго. Вскоре он начал размышлять: в тот день Лянь Сун собрал, конечно, не остатки душ Чан И, а, должно быть, дыхание Цзу Ти. Поскольку оно не вернулось к небу и земле, а, наоборот, по странному стечению обстоятельств было собрано богом воды, нельзя допустить, чтобы небожители сотворили из него какое-нибудь новое чудовище. Дыхание изначально было частью Цзу Ти и должно было вернуться в душу Цзу Ти.

Приняв решение, Инь Линь немедленно отправился в мир смертных, захватил душу одного из них, очистил ее от воспоминаний прошлой жизни и вместе с ней тайно проник во дворец Верховного небожителя Лин Бао. В золотом сосуде он нашел почти восстановленную жемчужину, осторожно извлек из нее дыхание духа своей госпожи, а затем поместил внутрь лишенную воспоминаний душу смертного. То дыхание когда-то очистила Цзу Ти, и оно не отличалось от обычной души, а после смерти телесной оболочки

¹ Души хунь и по (кит. 三魂六魄) — древние китайцы считали, что души человека многочисленны и делятся на три эфирные (хунь), отвечающие за эмоции и мыслительные процессы, и семь животных (по), отвечающих за физиологические процессы и двигательную функцию. (Далее термины см. на стр. 551.)

Чан И и вовсе было не разглядеть, что это всего лишь дыхание. Возможно, именно поэтому Верховный небожитель Лин Бао не усомнился в происхождении Чан И.

Сперва Инь Линь немного беспокоился, что души смертного и бессмертного все же различаются и подмену быстро заметят. Ему и в голову не приходило, что в той жемчужине хранились воспоминания Чан И о Небесах. Как только душа смертного попала в жемчужину, ее обволокло воспоминаниями, несущими отпечаток божественной силы, — если не приглядываться, невозможно понять, что содержимое подменили.

Забрав дыхание Цзу Ти, Инь Линь оставался в Южной пустоши еще восемнадцать лет. За это время до него не дошло никаких слухов о том, что Верховный небожитель Лин Бао, трудящийся над душой Чан И, что-то заподозрил.

Через восемнадцать лет наконец пришло время последнего перерождения Цзу Ти в мире смертных. Инь Линь заранее вернулся туда и, когда родилась девочка по имени Чэн Юй, поместил в ее тело дыхание духа, надеясь, что оно сольется с душой Цзу Ти. Однако он не ожидал, что тело смертной, пусть даже и созданное Се Мин, не выдержит дыхания богини. Маленькая Чэн Юй не могла управлять силой всеведения, вошедшей в ее тело вместе с дыханием богини света. Если бы Инь Линь вовремя не заметил ее страдания и не пригласил старейшин цветочных родов, чтобы создать кольцо Тишины и запечатать эту силу, случилось бы большое несчастье.

С тех пор Инь Линь посвятил всего себя заботе о малышке Чэн Юй. Он и думать позабыл о душе, хранящейся в золотом сосуде Верховного небожителя Лин Бао. Только увидев Яньлань рядом с Лянь Суном, он догадался, что в итоге случилось с той душой.

Все считали, что Яньлань — это перерождение Чан И. Только Инь Линь знал правду: Яньлань была всего лишь смертной, обладавшей частью воспоминаний Чан И. Сама повелительница цветов давно перестала существовать.

«Пожалуй, владыка Дун Хуа тоже уверен, что Яньлань — это перерожденная Чан И, потому и вознес ее на Небеса вновь, — отстраненно подумал Инь Линь. — Не зря ведь ходили слухи, что в прошлом Верховный владыка тоже очень ценил Чан И».

Посланник богини света не собирался разоблачать обман. В конце концов, проникновение во дворец Верховного небожителя Лин Бао, пусть и вынужденное, не делало ему чести.

Возможно, заметив рассеянность спутника, Чжаоси помахал рукой перед глазами Инь Линя, а затем, нахмурившись, одними губами спросил: «Что с тобой?» Только тогда Инь Линь очнулся, покачал головой и беззвучно ответил: «Ничего».

Когда он снова посмотрел в сторону богов, то увидел, что Яньлань уже не нуждается в помощи Су Цзи. Придерживая юбку, она поклонилась дяде и племяннику.

— Винить следует меня. Я недостаточно искусна, поэтому и задержала наследного принца. Знала бы раньше — не просила бы третьего принца взять меня с собой. Мне действительно стыдно. Надеюсь, наследный принц не будет на меня сердиться, и надеюсь... — она перевела взгляд повлажневших глаз на Лянь Суна, и в них отразилась трогательная беспомощность, — ...третий принц не будет сердиться тоже.

Изящный поклон — сама кротость и мягкость во плоти, — чуть раскаяния в голосе, немного застенчивости. Яньлань всем своим видом вызывала сочувствие.

Юный Е Хуа отступил на полшага в сторону, не позволив Яньлань склониться в слишком уж глубоком поклоне, и строго сказал:

— Это я не сумел защитить вас, не смею принимать извинения.

Девушка с благодарностью улыбнулась ему, затем снова посмотрела на Лянь Суна, но тот, опустив глаза, размышлял о чем-то своем. Е Хуа тоже взглянул на третьего прин-

ца и, увидев, что он, кажется, отвлекся, с некоторым недоумением окликнул:

— Дядя?

Только тогда Лянь Сун поднял взгляд на Яньлань.

— Он не защитил тебя, конечно, это его ошибка. Однако ты обучалась у Изначальной владычицы Доу Му двадцать тысяч лет, а при встрече с врагом лишь трясешься от страха. Тебя и впрямь следует винить.

Яньлань изображала раскаяние не без умысла. Поскольку справедливый наследный принц никогда не обижал девушек, да и третий принц славился бережным отношением к красавицам, она подумала, что, если с беспомощным видом попросит прощения, эти двое не осудят ее и даже пожалеют. Однако она не ожидала, что третий принц не только не пожалеет ее, а, наоборот, отругает. Яньлань была потрясена и унижена. Кровь быстро отхлынула от ее лица, глаза покраснели.

— Я... я... — пробормотала она.

Но Лянь Сун уже направился к трупу Небесного Пса. Наследный принц Е Хуа последовал за дядей.

Су Цзи некоторое время смотрел на пристыженную Яньлань, которая тряслась так, будто могла рухнуть в любой момент, и думал, что стоят-то они на высоком продуваемом месте... «Эта красавица обучалась у госпожи Доу Му двадцать тысяч лет, но все еще похожа на бумажный фонарик, как бы не снесло ее ветром...»

С этими мыслями он поспешно сделал два шага вперед и поддержал ее. До него донеслись обрывки беседы идущих впереди Лянь Суна и Е Хуа. Первым заговорил наследный принц:

— О чем вы только что думали, дядя?

— Ты правда хочешь знать? — бесстрастно спросил третий принц.

Су Цзи давно общался с Лянь Суном и хорошо понимал: когда его высочество задает подобные вопросы таким вот тоном, это значит, что ловушка уже расставлена и лучше не отвечать. Но неискушенный наследный принц явно

не знал о коварстве своего дяди и потому кивнул. И тогда он услышал крайне невозмутимое:

— Я всего лишь подумал, что в следующий раз, когда выдастся возможность потренировать тебя, мне, пожалуй, стоит отправиться в Цинцю и попросить о помощи высшую бессмертную Бай Цянь. Вероятно, тогда ты безо всяких наставников сообразишь, как одновременно и спутника защитить, и врага победить.

Су Цзи отчетливо видел, как Е Хуа на мгновение застыл, а затем его уши медленно покраснели.

— Дядя, не говорите глупостей.

Кажется, третьему принцу реакция племянника показалась милой, потому что он остановился.

— Разве это глупости? Если бы в этот раз ты сражался плечом к плечу с высшей бессмертной Бай Цянь, разве ты оставил бы ее на месте, чем немедленно воспользовался бы дух пса? — Глядя на пламенеющие уши племянника, Лянь Сун поднял бровь. — Мне правда любопытно, какую тактику ты бы применил, будь подле твоя невеста.

Наследный принц, отчаянно пытаясь сохранить спокойствие на лице, ответил:

— Высшая бессмертная очень сильна, вполне возможно, она убила бы зверя раньше меня.

Третий принц бросил на него взгляд.

— А, пусть жена защищает тебя — такая твоя тактика? — Он усмехнулся. — Что ж, это тоже мысль.

Спокойствие Е Хуа не сохранил. Он отвернулся и проворчал:

— Дядя, перестаньте меня дразнить.

Третий принц и не подумал смутиться. Для удобства осмотра останков Небесного Пса он заклинанием поднял их в воздух и заметил:

— Нашего стыдливого наследного принца сами небеса велят поддразнить.

Лянь Сун любил чистоту, поэтому, даже осматривая труп зверя, он создал вокруг него прозрачный барьер, что-